

**АНДРЕЙ
КУРПАТОВ**

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА
«КРАСНАЯ ТАБЛЕТКА»

ВВЕДЕНИЕ
В III МИРОВУЮ
ВОЙНУ

**ДУХ
ВРЕМЕНИ**

Академия смысла

Андрей Курпатов

**Дух времени. Введение в
Третью мировую войну**

«Курпатов А.В.»

2023

УДК 159.9
ББК 88.37

Курпатов А. В.

Дух времени. Введение в Третью мировую войну /
А. В. Курпатов — «Курпатов А.В.», 2023 — (Академия смысла)

ISBN 978-5-907412-67-5

Андрей Курпатов – не только самый известный психотерапевт в России, его книги «Четвёртая мировая война», «Кризис „Капитала 2.0“», «Складка времени», «Способы думать» с пугающей точностью предсказывают события, очевидцами которых мы сейчас становимся. Кто-то пытается объяснять нынешние события с политической точки зрения, кто-то видит в происходящем экономическую подоплёку... Но на самом деле перед нами глобальный цивилизационный кризис, глубинную структуру которого Андрей Курпатов анатомирует с удивительным бесстрашием и научной строгостью как в масштабах судьбы отдельного человека, так и во всём объёме меняющегося геополитического ландшафта. «Мои выводы основывались на анализе психологии человека и его поведения, разворачивающегося в пространстве политико-экономических факторов. Полагаю, что, взятые вместе, они и создают ту гремучую смесь, что творит Историю» – Андрей Курпатов. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.9
ББК 88.37

ISBN 978-5-907412-67-5

© Курпатов А. В., 2023
© Курпатов А.В., 2023

Содержание

Вместо введения. Способ думать	6
Часть первая. Цифровая волна	11
Глава первая. Цифровое гражданство	17
Глава вторая. Криптовалюты	22
Глава третья. Ризоматичность «новой власти»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Курпатов

Дух времени. Введение в Третью мировую войну

© А. В. Курпатов, 2023

© ООО «Издательский Дом «Нева», 2023

* * *

Если не будут править государствами философы, или правители государств не будут ревностно заниматься философией, если власть и философия не соединятся в одних руках, то нет конца страданиям для государств и для человечества.

Платон. Государство

Вместо введения. Способ думать

Предсказывать очень трудно, особенно предсказывать будущее.
Нильс Бор

В 2016 году, ещё до Brexit и обещаний Трампа построить стену на границе с Мексикой, до того, как англичане объявили, что с помощью заграждений в Кале будут защищать Евро-тоннель от мигрантов, и, конечно, намного раньше протестов в Белоруссии и событий 2022 года, когда свои заборы начнут спешно строить поляки, литовцы, греки, я писал в «Снобе» о будущей «Великой цивилизационной стене».

«Чтобы представить себе, как будет выглядеть наше с вами недалёкое будущее, можно, например, съездить в Израиль и посмотреть на высоченные заборы, окружающие палестинские поселения. Потребуется лишь немножко напрячь воображение и мысленно продлить эту стену от горизонта до горизонта. Такие заборы – из железа и бетона – скоро вырастут по периметру союзнических государств, объединённых в большие цивилизационные агрегации».

Эта рационально необъяснимая тогда фантазия была вызвана предгрозовым состоянием, специфической духотой, которую создавала «складка времени», сковавшая на тот момент мир. От накапливающегося напряжения он как будто начал трескаться изнутри, но где, по какой линии пройдёт первая видимая трещина, предсказать было трудно, даже невозможно. Где тонко, там и рвётся – вот весь ответ.

В середине десятых годов этого века главным вызовом для всего мира был, конечно, ИГИЛ¹, а в более общем виде – исламский фундаментализм как таковой. Движение разрасталось, словно пожар при ураганном ветре, захватив почти треть Ирака и больше трети территории Сирии.

Террористические акты, ассоциированные с новым «халифатом», проходили в Европе, Африке, Америке, на Ближнем Востоке. Граждане десятков стран вступали в добровольческие ряды, да и по сей день ячейки сторонников «Исламского государства» ждут сигнала к наступлению во всех частях света.

Трудно понять, как мыслят люди, находящиеся в совершенно другой модели реальности, как они допускают возможность действий, которые нам представляются неприемлемыми. Как можно, например, отрезать на камеру голову заложника? Или что должно быть в голове у человека, замыслившего совершить массовое убийство? Как, наконец, можно принудительно повышать рождаемость?²

Мы не привыкли думать о происходящем умом того, кто моделирует реальность иначе. Нам следовало бы научиться реконструировать то, как думает представитель другой культуры, другого цивилизационного перехода, и тогда многое встало бы на свои места.

Значительная часть мусульман пережила беспрецедентный подъём с глубин аграрной реальности в мир, где индустриализация тонет в информационной и цифровой цивилизационных волнах. Это экстренное «всплытие» не могло не закончиться кессонной болезнью, приводящей к вскипанию крови.

И хотя сейчас «иных уж нет, а те далече», этот «зелёный пояс», подпирающий с юга всю Евразию – от Лиссабона и до Владивостока, – остаётся невероятно взрывоопасным. Скреплённый общим врагом – Израилем, инкорпорированным в самый центр этого «зелёного пояса», –

¹ Запрещённая в России террористическая организация.

² В лагерях временного содержания в Сирии и Ираке в 2019 году находилось более 49 тыс. детей-сирот той самой «демографической политики», проводимой боевиками «Исламского государства».

аграрно-индустриально-информационно-цифровой мусульманский мир кидит кипящей лавой и готов в любой момент обрушиться на головы «неверных».

Конечно, сложнее всего было бы ожидать, что мировой пожар, даже несмотря на события в Крыму 2014 года, начнётся с России.

Во-первых, потому что нам, как я и писал в своих прежних публикациях, придётся в этом «фазовом переходе» тяжелее других. Во-вторых, потому что Россия была не готова к такому противостоянию – ни с точки зрения зрелости общества, ни, тем более, с индустриально-технологической точки зрения. В-третьих, война – это, вопреки всем речовкам, не наш конёк: в любой войне мы воюем, к сожалению, не умением, а числом.

Но, возможно, именно эта обречённость положения России и вызвала этот своего рода фальстарт. Именно России выпало сыграть роль мальчика, кричащего «Король-то голый!», обнажая столкнувшиеся за ширмой глобализации цивилизационные волны, разрывающие мир на части.

Да, это более чем парадоксальный способ сохранить себя, свою культурную идентичность, а может быть, даже и статус одного из ключевых центров силы на мировом геополитическом пространстве. Но в иной ситуации, при другом развитии событий, что мы обсудим позже, перспективы выглядели совсем безрадостно.

«Когда-нибудь историки назовут это гигантское архитектурное сооружение „Большой цивилизационной стеной“, – пишу я в той же статье 2016 года. – И хотя дизайн её вряд ли закажут Филиппу Старку – строить будут второпях, Бэнкси, надо полагать, будет где развернуться. Китайцы, кстати, тоже что-то построят, но им и не впервой, и у них тоже какая-никакая цивилизация, испокон веков, замечу, играющая в го³.

Отдельных стран как таковых, то есть в нынешнем их виде, уже не будет. Нерентабельно. Возникнут своего рода „цивилизационные анклавы“: „Европейский“, „Североамериканский“ и т. д. Россию, впрочем, вряд ли в какой-то из них возьмут. И не потому, что мы „не Европа“, или „люди второго сорта“, или нам „нельзя доверять“. Просто слишком велика территория, а заселена локально – придётся делать маленькие города-резервации с остатками культуры: „Москва“, „Питер“, „Екатеринбург“. Блокада 2.0.

В общем, приглядитесь ещё раз повнимательнее к палестинским поселениям – мы с вами скоро будем жить в таких же. Наверное, можно даже успеть психологически подготовиться».

Конечно, история и политология – это не мой профиль. И я сам не люблю, когда дилетанты лезут туда, где их не просят, а «смерть экспертизы», о которой говорит Том Николс, пугает меня пуще любого другого ужаса. Но почему не думать об исторических процессах как о следствии меняющегося психического состояния человеческих масс?

Для меня история – это производная от поведения больших масс людей, движимых потребностями, историко-культурными субъективациями, собственническими интересами, фрустрациями, рационализируемой иррациональностью и напряжением внутри социальных иерархий.

В относительно стабильные времена психология «народных масс» традиционно игнорируется и даже исторгается из господствующих научных дискурсов – политологического, экономического.

Но стоит системе хотя бы слегка накрениться, как те, кто занимается политикой и экономикой, тут же обращаются к специалистам по поведению человека и спрашивают: «А почему люди побежали в банки снимать накопления?», «А почему люди выходят на улицы?», «А какова психология биржевых трейдеров, избавляющихся от токсичных активов?», «А почему

³ Считается, что го, в отличие от шахмат, требует от игрока специфического стратегического мышления. Именно поэтому победа искусственного интеллекта AlphaGo в том же 2016 году над сильнейшим на тот момент игроком в го Ли Седолем стала столь же знаковым событием в развитии цифровых технологий, как когда-то и сокрушительное поражение Гарри Каспарова, нанесённое ему шахматным суперкомпьютером компании IBM Deep Blue.

население поддерживает консерваторов?», «А по каким причинам люди теряют доверие к СМИ?».

Забавно, что до момента очередного кризиса поведение людей, их психология воспринимаются «нормальными», а потому, вероятно, и не кажутся интересными. Но если мы хотим понимать «психологию кризиса», «поведение в кризисе», нам следует уяснить именно эту «норму»: почему люди вообще несут деньги в банки, играют на повышение, выступают за права и свободы, доверяют СМИ?

Но нет, из раза в раз одно и то же: психология и поведение человеческих масс словно бы не существуют «до», а в момент кризиса вдруг чудесным образом являют себя...

Нет, это большое заблуждение. Психология есть всегда, а человеческое поведение определяет и моменты кризисов, и, в равной степени, периоды стабилизации политических и экономических систем.

Просто в периоды «стабильности» специалисты, представляющие «узкие темы» – политики, экономисты и т. д., – не испытывают нужды в том, чтобы вглядываться в реальность, стоящую по ту сторону их теоретических моделей.

Однако же стоит этой реальности ударить по теории, как они тут же вспоминают о том, что где-то там за их графиками и таблицами должен быть человек. И не понимая, почему вдруг их теории перестают работать, обращаются к тем, кто может ответить на вопрос: «Что происходит в головах у людей?»

Это, вообще говоря, какой-то фундаментальный парадокс. Ведь оценивая события февраля 2022 года, положившие начало новому переделу мира, многие специалисты политологического и экономического крыла странным образом пытаются объяснить происходящее внутренним состоянием конкретного человека, его «психологией»: мол, он, «застрявший в Советском Союзе», «дитя холодной войны», «представитель спецслужб» и т. д., «испугавшийся оранжевых революций», «движимый личной паранойей» и «жаждой власти», принимает «безумное решение», «не считаясь с интересами своего народа и будущим всего мира».

Когда это говорят политологи и экономисты, параллельно утверждающие, что знанию о человеческой психике нет места в суждениях об исторических процессах, это вызывает у меня некоторое недоумение. И совершенно неудивительно, что в данном случае они допускают фатальную ошибку: как раз когда речь идёт о конкретном человеке, никакой психологии в исторической науке, в политологии и экономике и в самом деле нет места.

Такого не бывает, чтобы весь мир уверенно двигался в каком-то направлении, а затем один человек, сколь бы могущественным (или, например, душевнобольным) он ни был, дёрнул стоп-кран и развернул эту машину на 180 градусов.

В относительно примитивных сообществах это, наверное, ещё возможно. Но в обществах, с которыми мы имеем дело сейчас, конкретная «историческая личность» лишь выражает, возможно, даже не подозревая об этом, общий вектор от сложения устремлений больших групп людей и интересов тех структур – финансовых кругов и бизнес-гигантов, национальных государств и отдельных социальных страт, – которые они образуют.

Нелепо думать, например, что «СССР развалил Горбачёв». Объяснять события конца XX века таким образом просто смешно. Да, историческая роль Михаила Сергеевича, его политики «перестройки и гласности» была огромной, но по историческим меркам – ничтожной каплей, переполнившей чашу, в которую перед этим были влиты тысячи тонн потребностей, интересов, фрустраций, иррациональности множества различных социальных групп по обе стороны границы потерпевшего крушение государства.

Ни одна бабочка не в силах устроить цунами. Система должна быть уже готова к этому, поэтому подготовительные процессы идут задолго до момента, когда бабочка сделает свой исторический взмах крыльями.

Именно эти «подготовительные процессы» – процессы, прежде всего, психические и, как следствие, социально-психологические, общественные, – должны, как мне представляется, быть приняты во внимание, когда мы говорим о факторах, влияющих на развитие исторической ситуации.

Собственно, вся эта книга, которую я сначала даже планировал назвать «Третья мировая война», и есть то самое прояснение этих подготовительных процессов. В ней я попытаюсь показать, в какие социальные структуры собирается нынешний мир в разных его частях и на разных уровнях организации, и те напряжения, которые естественным образом между этими центрами силы возникают.

Мне это видится, образно говоря, как некий метеорологический процесс – взаимодействие зон повышенного и пониженного давления, между которыми происходит движение воздушных человеческих масс и конденсированных в них вод человеческих потребностей.

Изначально я предполагал, что эта книга будет состоять из четырёх частей, где четвёртая будет посвящена геополитической ситуации в её развитии. Но в какой-то момент я понял, что, если учесть всё, что я собираюсь рассказать и по итогу рассказал в этой книге, её четвёртая часть – это, по сути, уже отдельный том, а то и не один.

Кроме того, ситуация в мире сейчас настолько напряжена, что геополитические смещения могут происходить в ближайшем будущем целыми сериями, захватывая в свою орбиту зачастую и невольных участников, в зависимости от того, какая из фишек запустит очередную волну.

По этой причине соответствующие аспекты «Третьей мировой...» я решил лишь намечать в этой книге, где это уместно, а в её завершении сказать несколько слов о ключевом противостоянии, вокруг которого, судя по всему, уже с 2023 года начнёт раскручиваться ключевая планетарная драма.

И это в очередной раз возвращает нас от геополитики к психологии, но не отдельных лидеров, а масс, образующих тело социальных групп, не желающих и дальше «ждать», и масс, которые призваны управлять первыми, но более не способны делать это, потому что как раз, рассчитывая на авось, «ждали» слишком долго.

Да, знаменитая ленинская формула «революционной ситуации», демонстрирующая свою удивительную функциональность и в наше время, насквозь психологична и описывает психическое состояние внутри социальной иерархии – психологическое состояние «верхов» повсеместно характеризуется ленинским «не могут», а «низов» – ленинским же «не хотят».

Прошу прощения, что снова возвращаюсь к этому, но трудно отрицать, что самыми дальновидными, самыми масштабными фигурами, повлиявшими на судьбы мира на предыдущем этапе его развития, были прирождённые социальные психологи, я бы даже сказал – методологи в области социальной психологии.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс в рамках советской науки были, конечно, основоположниками всех сфер знаний. Но с точки зрения психологии, социальной психологии их вклад и в самом деле огромный: это и концепция личности как продукта общественных отношений, и определение конфликта как органической формы общественной жизни, и понимание подлинной коллективности, обеспечивающей личную свободу.

Макс Вебер разработал «понимающую социологию» – подход, который раскрывает внешние и внутренние факторы, влияющие на поведение человека, его поступки и его взаимодействие с другими людьми. Также Макс Вебер предпринял глубокий анализ мотивационной сферы, и если Огюст Конт, основатель позитивизма, предлагал не вдаваться в такого рода вопросы, Вебер, напротив, исследовал их детально и показал важность понимания этих «внутренних» аспектов поведения человека.

Даже не замечая этого, аналитики обращаются к феноменам, которые иначе как через призму психологии корректно не могут быть поняты. Например, что есть рассуждение о «рели-

гиозном сознании» на Ближнем Востоке, о «коллективизме» Китая, об «индивидуализме» Запада? Это психология, социальная психология в широком смысле этого слова.

Именно психологией объясняется несостоятельность полностью провалившейся американской политики «экспорта демократии», поскольку она не учитывала не просто «социально-экономические отношения», а другой способ восприятия мира, продиктованный специфической культурой, формирующей субъективность проживающих там народов.

Наконец, сами эти «западные ценности» или наши «традиционные ценности» – это ведь тоже психология, психология субъективации, напрямую влияющая на политику. Не на ту, конечно, которую делают конкретные люди, но на ту, которая определяет, будут ли решения этих политиков ошибочными или, наоборот, удачными.

Разумеется, и моя оптика – специалиста по человеческому поведению – не является исчерпывающей, а потому ни я, ни кто другой не может претендовать на истину. Но учёт и этой оптики, на мой взгляд, это уже абсолютная необходимость.

Именно наблюдаемые мной изменения в человеке и привели меня в своё время к тому, что я стал размышлять над историческими процессами. Не политика и не экономика обусловили моё понимание неизбежности фундаментальной трансформации мироустройства.

Мои выводы основывались лишь на анализе психологии человека и его поведения, разворачивающегося в пространстве политико-экономических факторов, вот почему я полагаю, что, взятые вместе, они и создают ту гремучую смесь, что творит историю.

Часть первая. Цифровая волна

Мы – последнее поколение старой цивилизации и первое поколение новой. Большую часть наших личных проблем, боли и неопределённости можно прямо отнести к конфликту, происходящему внутри нас и внутри политических учреждений.

Элвин Тоффлер

Элвин Тоффлер, безусловно, гигантская интеллектуальная машина, провидчески, начиная с «Футорошока», прописывающая вероятное будущее человечества. Однако проблематичность его версии будущего заключается, как мне представляется, в трёх досадных абберациях, свойственных его мышлению.

Первая обусловлена политической позицией Э. Тоффлера, его, так скажем, внутренним дискурсом – он, по сути своей, праволиберальный мыслитель, смотрящий на мир из форточки североамериканской гегемонии. Если бы мир состоял только из Соединённых Штатов, а прочие государства выполняли бы роль безгласных, но и исполнительных колоний, то, возможно, он и оказался бы прав в своих прогнозах. Но мир не таков, а США – не всемирная империя.

Вторая абберация мышления Э. Тоффлера – это линейность. Конечно, так мыслит большинство из нас, в противном случае правитель страны, в которой Сисса бен Дахир придумал шахматы, вряд ли задолжал бы этому великому инноватору всё зерно, когда-либо произведённое человечеством. Но линейность свойственна всем жизненным процессам, которые мы в состоянии наблюдать, а потому приписываем её и сложным системам, способным как входить в состояние хаоса, так и демонстрировать экспоненциальный, взрывной рост.

Наконец, третья абберация мышления, которая, как мне кажется, подвела Э. Тоффлера, это традиционная как для «правых», так и для «левых» интеллектуалов недооценка, или, честнее говоря, полное непонимание действительной человеческой природы, о чём я в своё время писал в статье «Генетическая болезнь либерализма».

В «Метаморфозах власти» – одной из последних своих книг Э. Тоффлер пишет: «В обозримом будущем нет ничего, что говорило бы о возможности вынуть оружие из рук государства. Ничто не может заставить государство отказаться забирать богатства в свои руки или избавляться от них ради усиления своей власти. Но что, вероятно, *должно* измениться, как мы уже начали это видеть, – это способность государства контролировать знание».

Э. Тоффлер пишет об этом «*должно* измениться» с почти революционным задором и даже говорит, что «революционная ситуация назрела». Но отсутствие всякого контроля над знаниями, то есть вне институций, которые способно производить только государство, или, по крайней мере, которые могут нормально функционировать лишь при наличии вертикали управления (системы образования и верификации научного знания, институт экспертности и т. д.), неизбежно приведёт (и уже приводит) к деградации знания.

К сожалению, вирус «постправды» поражает не только СМИ и прочие современные медиа, он прежде всего ударяет по научному знанию, что, и это только один из примеров, приводит к появлению «антипрививочников» и свидетелей культа, согласно которому вакцина от коронавируса «чипирует» людей, а сам коронавирус распространяется вышками 5G.

Люди в принципе более склонны доверять тем, кто похож на них – и по образу мысли, и просто внешне, – нежели специалистам в соответствующих областях, и эта тенденция лишь усиливается по мере падения в обществе авторитета действительного знания. Печальная правда состоит в том, что по горизонтали распространяются преимущественно глупость и слухи, а знание – это то, что следует беречь и пестовать в специальных условиях.

Наконец, именно контроль над знанием – это единственный способ, позволяющий организовывать столь большие массы людей, которые сейчас образуют государства и даже отдельные их страты. Отсутствие единого организованного информационного поля способствует стремительному ускорению атомизации общества. Отсутствие этой единой дискурсивной ткани, соединяющей всех со всеми, по крайней мере по базовым аспектам знания, уничтожает универсальный язык социальной общности.

Луиза Дж. Филлипс и Марианне В. Йоргенсен, авторы книги «Дискурс-анализ. Теория и метод», ведущие специалисты Дании и Швеции в области исследований коммуникации, изящно объединяя в своей работе теорию дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, критический дискурс-анализ и дискурсивную психологию, пишут: «Язык – не просто канал передачи информации о простых явлениях, фактах или поведении людей, а „механизм“, воспроизводящий и в результате создающий социальный мир. Посредством приписывания значений в дискурсе формируется социальная идентичность и социальные отношения. То есть приписывание значений в дискурсе является средством изменения мира. Борьба на уровне дискурсов и изменяет, и воссоздаёт социальную реальность».

Язык как система и инструмент может работать лишь до тех пор, пока все его знаки одинаково понимаются всеми, кто на этом языке говорит и думает. Что происходит с «Вавилоном», если значения знаков у разных групп людей оказываются разными, нам хорошо известно: это лишает общество возможности элементарной самоорганизации, на которую возлагает свои надежды Э. Тоффлер. Надежды, замечу, беспочвенные, по крайней мере с социально-психологической точки зрения.

Итак, если допустить, что США – единственный центр силы на планете Земля, процессы, протекающие в сложных системах, строго линейны, а люди – все сплошь добродетельные мудрецы, под стать Сократу и Платону, или хотя бы Элвину Тоффлеру, то его предсказания о нашем будущем вполне оправданны. Но это очевидно не так.

И я специально останавливаюсь на этом разборе aberrаций мышления так подробно, потому что, к сожалению, они являются почти универсальными. Конечно, «форточки» у всех разные – кто-то смотрит из Западной Европы, кто-то из Восточной, кто-то из-за Великой Китайской стены, а кто-то с Ближнего Востока или Африки, – но наше положение в системе в любом случае определяет нашу оптику.

Об универсальности иллюзии «линейности» я уже говорил. И ровно та же проблема у нас с человеческой психологией: трудно тут не ошибиться, ведь каждый из нас обладает интроспективным знанием о психологии (своей собственной), и нам трудно представить, осознать, что это наше знание о самих о себе иллюзорно и ошибочно.

Можно сколь угодно доказывать нам – хоть на бытовых примерах, хоть в научных экспериментах, – что у нас нет, например, «силы воли», или что нами движут базовые биологические инстинкты, а вовсе не «высшие цели», но мы всё не поверим.

Да, формально, рационально мы, может быть, с этим и согласимся, но поверить, что это так и есть, – нет, не можем. Так что на подсознательном уровне, там, где у нас и производится наше мышление, мы всегда ошибаемся и по поводу людей, и на их счёт.

Волны метацивилизаций

Теоретическая модель истории человечества, по Э. Тоффлеру, состоит из трёх фаз (волн метацивилизаций), каждая из которых уничтожала предыдущие культуры и региональ-

ные цивилизации, создавая принципиально новые, «немыслимые условия для тех, кто жил раньше».

Первая волна – аграрная революция, которая заняла, по расчётам Э. Тоффлера, одно тысячелетие. В этот период человек был безграмотен, не покидал пределов своей малой родины. Его жизнь определялась традицией, господствующей религией и требованиями физического выживания, включая климатический и сезонные факторы.

Вторая волна – становление индустриальной цивилизации, её продолжительность Э. Тоффлер оценивает в три сотни лет (я думаю, что она заняла только два века – XVIII и XIX). Человек, которого производило это время, уже радикально отличался от «аграрного». Он покидает деревню и обосновывается в городе, у него существенно расширяются его социальные связи, появляются другие способы проведения досуга. Он обучается грамоте, получает профессиональное образование, уже не так зависит от родовой семьи и стал менее религиозен.

Третья волна и последняя по классификации Э. Тоффлера – это волна информационная, которую он ещё назовёт супериндустриальной. В отличие от Э. Тоффлера, я полагаю, что она начинается не во второй половине XX века, а раньше – после Первой мировой войны. Формально можно считать точкой отчёта и вовсе появление радио и телеграфа, и уж точно она побеждает вторую с приходом телевидения и массовой телефонизации⁴.

Человек информационной волны, по сути, стал «гражданином мира» – благодаря СМИ у него появилась возможность быть соучастником событий, о которых он раньше вряд ли бы даже узнал. Он получает высшее образование, легко путешествует между континентами, инвестирует в компании, находящиеся во всех частях света, имеет доступ к знаниям, где бы они ни находились.

Э. Тоффлер считал, что пика «информационная волна» достигнет к 2025 году, и оценивая сейчас многие из её характеристик, которые он приводит в своих более поздних работах, можно прийти к выводу, что он, наверное, прав⁵. Впрочем, думаю, никто не мог предположить, какое воздействие цифровые платформы окажут на человека и общество.

Внахлёт к третьей волне начинается четвёртая, которая поднимает голову уже в начале XXI века с момента массового распространения мобильной связи. Данное изменение может показаться несущественным, но оно принципиально меняет социальное время и территориальность.

Нечасто в прежние времена, осуществляя звонок человеку, мы спрашивали: «Я тебя не сильно отвлекаю?» И уж точно нам не пришло бы в голову начинать разговор с фразы «Ты где?». Цифровой человек получил своеобразную экстерриториальность.

Точно так же мобильная связь освободила нас от привязки к времени: чтобы «не сильно отвлекать», мы отправляем друг другу сообщения, понимая, что адресат прочтёт их, когда

⁴ Даже столь ограниченные по нынешним меркам средства информирования людей оказали огромное влияние на состояние общества. Не случайно Г. Маркони заявил в интервью 1912 года: «В новой беспроводной эре война невозможна, потому что она будет достойна лишь насмешек». После Первой мировой войны, показавшей, что возможность информировать широкие слои населения о положении дел в мире никак не препятствует полномасштабным войнам, а скорее даёт обратный эффект, эти, позже фукуямовские, идеи о «конце истории» озвучивал Никола Тесла: «Полное и идеальное распространение беспроводной связи, – говорил он, – превратит землю в гигантский мозг... Мы сможем общаться друг с другом мгновенно, вне зависимости от расстояний». Иными словами, необходимо признать, что весь XX век уже был пропитан влияниями «информационной волны».

⁵ Книга Э. Тоффлера «Третья волна» увидела свет в 1980 году, и хотя в ней уже идёт речь о компьютеризации и других технологиях будущего, она всё-таки больше говорит об изменении пространства взаимодействия людей, то есть об информационных процессах. В двух последующих своих работах – «Предпосылки и прогнозы» (1984) и «Метаморфозы власти» (1990) – Э. Тоффлер существенно обогащает технологическое измерение своей «третьей волны», не замечая стремительного приближения уже «четвёртой волны» – цифровой. И в самом деле, масштабность изменений, которые она с собой несёт, «человеку информационному» трудно было предугадать (как, собственно, и должно быть в соответствии с его же, Э. Тоффлера, критерием перехода от одной метацивилизации к другой – человек из «прошлого» не может её себе вообразить).

ему и в самом деле будет удобно. То есть мы стали коммуницировать друг с другом как бы в параллельных мирах с какой-то своей собственной, индивидуальной темпоральностью.

Наконец, апогеем этих тенденций разрушения «социального тела» стали посты, как это ни иронично прозвучит, в социальных сетях. Наш пост, будучи, вроде бы, частичкой нас самих, отправляется в некую область виртуального – вне пространства, вне времени, а ещё «для всех», то есть ни для кого.

В 2020 году Netflix выпустила документальный фильм «Социальная дилемма», в котором бывшие сотрудники Facebook⁶, Google, Twitter⁷, Instagram и Apple рассказывают, как эти технологические гиганты сознательно и целенаправленно формируют у своих пользователей цифровую зависимость. В этом же фильме очевидцы без обиняков говорят и о негативных социальных, политических и культурных трендах, в появлении которых повинны социальные сети.

«Социальная дилемма» наделала много шума, но и тут же ушла из информационной повестки. Что, впрочем, неудивительно – эта повестка обеспечивается теми самыми социальными сетями, а активным пользователям социальных сетей – «блогерам» – не хочется лишний раз осознавать и свою цифровую зависимость, и суррогатность проживаемой ими жизни.

Собственно, об этом недвусмысленно намекнули в той же Netflix, выкатив под Рождество 2022 года сатирический блокбастер с участием суперзвезд Голливуда – «Не смотрите наверх»⁸. Модель власти изменилась: теперь её производят не прежние инстанции власти, а гул социально-сетевой среды, лишённой всякой рациональности и критического мышления как такового.

Если посмотреть наверх...

Одно из ключевых, на мой взгляд, скрытых посланий фильма «Не смотрите наверх» – это невероятное снижение интеллектуального уровня как рядовых граждан, так и элит. Немудрено, что официальная общественность, в отличие от зрителей, оказалась от него не в восторге – CNN, The Guardian, IndieWire и ряд других СМИ разразились высокомерными критическими отзывами о высокомерности создателя фильма Адама Маккея.

Но даже снобы от официальных СМИ не смогли не заметить, что контекст проблемы (проблемой все единодушно считают несерьёзность отношения человечества к «глобальному потеплению») схвачен достаточно точно: «Люди глупые, – пишет критик Variety, – и вы не можете от них ожидать согласия ни в чём, даже если от этого зависит их выживание. Это „забавное“ откровение, которое легко считывается в очень самодовольной политической сатире Адама Маккея».

Мышление – это сложный интеллектуальный навык, предполагающий способность создавать объёмные, многофакторные модели реальности и обнаруживать в них пути воздействия на реальность как таковую.

Воспроизводство культурных мемов (Р. Докинз) – это не мышление. В противном случае придётся признать, что и попугай, в целом, очень даже мыслящее существо. Мышление должно оказывать воздействие на реальность, что-то менять в ней, что-то в неё привносить. Если вы мыслите, а в реальности ничего толком не меняется, вы не мыслите, вы имитируете мышление.

⁶ Facebook, Instagram – принадлежат компании Meta, запрещённой на территории РФ.

⁷ Доступ ограничен на территории РФ.

⁸ Сюжет фильма «Не смотрите наверх» предельно прост. Нашу планету вот-вот должна уничтожить гигантская комета, но никто не хочет слушать учёных, которые буквально тычут пальцем в приближающийся к Земле космический объект и требуют начать эвакуацию людей. Но ни журналисты, ни блогеры, ни чиновники – никто, включая президента США, не хочет говорить подписчикам в своих социальных сетях «о плохом», потому что «они могут расстроиться».

Но вернёмся к центральной части определения «мышления»: «объёмная, многофакторная модель реальности». Наш мозг постоянно создаёт модели реальности, более того – кроме этих моделей у него ничего и нет. Любой зрительный образ, любая мысль – это какая-то модель реальности. Но она может быть объёмной и сложносоставной, а может быть до убогости плоской.

Представьте себе посетителя художественной галереи, который ничего не знает ни о художниках, которые в ней выставлены, ни о направлениях в живописи, ни об исторических процессах, на фоне которых создавались соответствующие произведения. Что он вынесет из своего визита в пространство с картинками? Ровным счётом ничего. Попросите его написать критическую статью об этой выставке, и вы в этом легко убедитесь.

Теперь представим себе другого человека, который всё, о чём мы только что говорили, знает – и о художниках, и о направлениях, и об истории создания данных полотен, и в принципе об истории, – причём знает досконально. Сколько он вынесет из своего посещения выставки? Разумеется, результат будет абсолютно другим.

Во втором случае мы имеем другой объём элементов системы (количество интеллектуальных объектов) и многофакторность созданной им модели реальности (то есть представленность разных систем измерений) данной выставки. Это позволит ему написать достойный отчёт о работе галеристов, чем он, возможно, повлияет и на их собственное видение, а также на восприятие данной выставки публикой. То есть что-то в реальности изменится просто благодаря мышлению.

Очень важно, кто, так сказать, смотрит, кто моделирует тот или иной аспект реальности. А что такое этот «кто»? Этот «кто» определяется теми знаниями, которые у него уже есть, а точнее даже не знаниями, а системой знаний, благодаря которой и могут возникнуть те самые многие измерения мема (интеллектуального объекта).

И вот что стало происходить с цифровым человеком, который вроде бы и обладает множеством знаний (хотя большинство и вовсе страдает «эффектом Google»)⁹, но системы знаний у него нет. Может быть, какие-то отдельные, не связанные друг с другом системки и имеются, но полноценной структуры нет. То есть под понятиями, которыми пользуется современный человек, нет того объёма значений, на который они были рассчитаны и которым они ещё недавно обладали.

В «Складке» я назвал такие понятия фальсификатами, а процесс их использования – фальсификацией мышления. Чуть позже это состояние я назвал «информационной псевдобильностью», за что меня, впрочем, очень ругали и невзлюбили популяризаторы науки.

Но из песни слов не выкинешь: если вы мыслите фальсификатами, то будете демонстрировать отсутствие мышления. Сама, кстати сказать, популяризация науки, которую так не любят настоящие учёные, и есть в большинстве своём способ производства таких фальсификатов в массовом сознании – слышали звон, да не знаем, где он.

Итак, цифровой человек глупеет, но даже не знает об этом.

Во-первых, потому что если глупеют все скопом, то кто это заметит?

Во-вторых, контакт с реальностью из-за всеобщей цифровизации тотально утрачен, так что ей и не сообщить нам об ошибках, которые в ином случае позволили бы хоть что-то скорректировать в кривой логике.

В-третьих, поскольку больше всего современный человек любит слышать, что он личность, индивидуальность, невероятно умён и имеет право на собственное «мнение» по любому вопросу, критическое отношение человека к себе в обществе перестало существовать.

⁹ «Эффект Google» или, как его ещё называют, «цифровая амнезия»: современный человек перестал запоминать то, что он может легко найти в интернете, при этом у него возникает психологическая иллюзия, что он это знает, тогда как в ряде случаев он даже не знает, где эту информацию искать.

«Личное мнение» – это, вообще говоря, новый способ социального взаимодействия. На заре общения в Сети – на прежних «форумах» и «досках», – выражая своё несогласие с оппонентом, считалось правилом хорошего тона добавить после своей реплики аббревиатуру ИМХО¹⁰. Это должно было свидетельствовать, что автор сообщения признаёт, что может заблуждаться, не претендует на истину и т. д.

Но теперь от всей этой прежней сетевой деликатности не осталось и следа: написать хоть что-то в комментариях под постом, оставить лайк, «реакцию», подписаться на аккаунт или демонстративно отписаться от него – это уже считается высказыванием собственного мнения. Но зачем? Какой эффект это произведёт? И вообще, что это – твоё «личное мнение»? Кого оно интересует?

Никого, но внутренние психологические причины комментаторов понятны: на фоне тотального одиночества, потери всякого подлинного интереса к тебе со стороны окружающих, это «мнение» подобно протестному «нет!» ребёнка в момент «кризиса трёх лет»: способ сообщить, о том, что ты в принципе существуешь, что ты есть, что у тебя есть твои желания, даже если всем на них наплевать.

В пространстве «личных мнений» больше нет глупостей, абсурда или некомпетентности – всё возможно, ибо всё дозволено. Поиск философской истины или хотя бы достоверного научного знания, что должно было бы быть целью и сутью дискуссии, уже не является источником внутренней проблематизации. Из общения выпадает смысл того, о чём говорят и зачем. Общение служит лишь тому, чтобы дать тебе возможность обозначиться, документировать, так сказать, своё существование.

К счастью, несмотря на эту нарастающую дебилизацию, жизненно важные технологические продукты всё ещё создаются остатками прежней школы и молодыми людьми, чьи природные задатки их родители систематически в них развивали. Именно по этой причине самолёты ещё летают, мосты строятся, медицина лечит, геномная инженерия обещает решение множества проблем, цифровые платформы пытаются превратиться в Metaverse, а искусственный интеллект чем дальше, тем больше творит чудеса.

Впрочем, тенденция вызывает тревогу – глупеем мы, кажется, с той же скоростью, с которой искусственный интеллект умнеет. И ему точно есть куда расти, а вот нам, может оказаться, даже падать будет некуда.

Но почему я говорю о мышлении, а не об обещанной Третьей мировой войне? Потому что, если вы поместите фальсифицированное мышление в среду, где общение происходит с цифровыми аватарами, а информационное пространство определяется рекомендательными сервисами цифровых платформ, вы получите неуправляемую социальную массу.

Точнее – управляемую, но не вами, без, так сказать, центра принятия решений, и это ставит правительства в принципиально новую ситуацию.

Можно говорить как минимум о трёх принципиальных эффектах «цифровой волны», которые оказали влияние на растущее геополитическое напряжение по всему миру: цифровое гражданство, криптовалюты, новая власть.

¹⁰ ИМХО – русифицированная версия аббревиатуры IMHO: in my humble opinion, то есть «по моему скромному мнению».

Глава первая. Цифровое гражданство

*Вот тебе, бабушка, Юрьев день.
Александр Пушкин*

«Цифровое гражданство» – это уже новая, хотя и не осмысленная нами должным образом реальность. По мере того как человек всё больше проводит времени в интернете¹¹, его присутствие в сфере действительного социального неуклонно сокращается. Вся его социальная, а потом и политическая жизнь находится теперь здесь, в Сети, а не в ведении государства, как это было прежде, и не подконтрольна ему.

Гражданин оставил государству только своё физическое тело. Все создающие его самого политические и социальные практики реализуются в виртуальном пространстве. Там он ведёт «политические дискуссии», там же бесконечно за что-то голосует, высказывает свою позицию (пусть лишь самым фактом просмотра тех или иных пабликов или видео).

Как показывает в своих исследованиях Герт Ловинк – директор Института сетевых культур в Амстердаме, – пользователь начинает напрямую идентифицировать себя со своим сетевым аватаром (тем образом, который он создаёт в социальных сетях). Нет сомнений, что по мере развития метавселенных пользователи будут больше тратить на свой аватар – его внешность, суперспособности, доступные возможности и т. д., нежели использовать эти деньги на себя из реального мира.

«Добро пожаловать в Новую Норму, – пишет Герт Ловинк в своей книге „Критическая теория интернета“. – Социальные медиа перестраивают наш внутренний мир. По мере того как становится невозможным разделять индивида и платформу, социальный нетворкинг сливается с „социальным“ как таковым. [...] Социальные медиа как новое телевидение – это часть долгоиграющего тренда, заключающегося в эрозии когда-то воспевавшейся артиципаторной культуры и переходе от интерактивности к интерпассивности. Это гигантский, но пустой мир. [...] Пока мы, проверяя соцсети, покидаем границы сознания, начинается движение в обратную сторону, и Другой, незаметно для нас, проникает в наш мир. Даже когда мы ненадолго достаём телефон, беспокойство не уходит. [...] Мгновенное сканирование ленты социальных медиа может быть бегством от наличной в данный момент действительности, но можем ли мы сказать, что это намеренное бегство в мир фантазии? Едва ли. Как и в случае с грёзами, мы обновляем ленту и просматриваем входящие, чтобы избавиться от скуки».

«Цифровое гражданство» – не фигура речи. Пользователи получают в Сети хоть и виртуальные, но вовсе не иллюзорные «гражданства» (подданство): каждый ваш аккаунт в той или иной социальной сети, на маркетплейсах, игровой платформе или просто на каком-нибудь сайте, по сути, является аналогом физического паспорта – «документа, удостоверяющего личность».

Поскольку таких «личностей» у пользователей стало слишком много, и обо всех о них им не упомянуть, более мелкие интернет-ресурсы, подобно политическим спутникам, входят в «зоны», контролируемые основными «геополитическими игроками» Сети.

¹¹ Согласно отчёту Global Digital 2021, среднестатистический пользователь интернета в России проводит в интернете 7 часов 52 минуты каждый день, что почти на час больше среднемирового значения (6 часов 54 минуты). С учётом дополнительного «экранного времени» (телевидение – 3 часа 13 минут, онлайн-радио – 47 минут, стриминговые музыкальные сервисы – 41 минута, подкасты – 21 минута), непонятно, где вообще у обывателя остаётся время на жизнь.

Эти монстры сначала принуждают вас создать ваш персональный ID (Apple ID, Google Account, Facebook¹² Account, включая использование биометрии) – тут предложение формируется так, что вы не можете отказаться, иначе ваше устройство просто не будет работать. Но наличие такого ID, по сути, является виртуальной «шенгенской визой» на все сайты, входящие в соответствующие «содружества».

Мелкие сетевые игроки получают функциональный протекторат со стороны основных платформ, а те, в свою очередь, собирают с нас данные о нашем поведении на этих, сторонних вроде бы ресурсах. Данные о действиях пользователей в Сети – это в каком-то смысле её внутренний капитал, внутренняя валюта, которая не видна глазу пользователей.

Эта валюта – почти физическая ценность, виртуальное «золото», которое используется для производства в цифровом мире наших аватаров, опять-таки для внутреннего использования теми игроками, которые их создают. Переработанные таким образом наши данные служат для продажи нам же рекламы и товаров (рекомендательные сервисы на маркетплейсах, стриминговых платформах и т. д.).

Существует едва различимый зазор времени между тем, как страница, которую вы открываете в Сети, загрузится, и тем, как вы увидите рекламу на ней. В эти считанные доли секунды происходит самый настоящий аукцион, на котором разыгрывается ваше внимание.

Десятки, а то и сотни роботов делают в этот момент свои ставки – то есть фактически выставляют цену за ваше внимание, ориентируясь на то, насколько ваш (их) цифровой аватар подходит под рекламу, которую они должны разместить.

Допустим, вы хотите купить дом или машину и сделали соответствующий запрос в поисковой строке... Для вас это просто поиск подходящего дома или машины, а для робота, оперирующего вашим цифровым аватаром по ту сторону экрана, – прямое указание на то, что ваше внимание стоит существенно дороже для тех, кто продаёт в этот момент дома или машины.

Поэтому при переходе на следующую страницу вы обнаружите на ней рекламные предложения, которые соответствуют целям вашего поиска, – от агентств недвижимости, дилерских автомобильных центров и т. д. Для продавцов шариковых ручек или кастрюль ваше внимание в этот момент будет слишком дорогим удовольствием.

Чем больше информации в вашем цифровом аватаре по ту сторону экрана, тем удобнее и комфортнее вам жить: роботы, выполняющие заказы, принятые от рекламодателей, делают вам более точные ценовые предложения, точнее попадают в ваши пристрастия.

Аналогичным образом работают и платформы, которые непосредственно что-то вам продают: товары, услуги, контент. У них тоже есть свои «ваши» цифровые аватары, которые знают, что вы покупали прежде, в каком количестве, за какую цену, с какой периодичностью, а также что покупают люди, которые «похожи на вас» (Look-alike аудитория – LAL).

Причём эта LAL создаётся далеко не только из тех данных, которые вы оставили на данной платформе – Amazon или Netflix, но и тех, которые они собрали о вас на других своих площадках (у Amazon, например, их предостаточно), получили от своих партнёров по бартеру или же которые они просто купили на рынке данных у других игроков.

Наконец, та же Amazon не только продаёт товары своим клиентам, но и предоставляет другим компаниям целый стек облачных технологий: Amazon Web Services (AWS) – облачная платформа, представляющая собой целую инфраструктуру технологических сервисов и услуг (файловый хостинг, распределённые хранилища данных, аренда виртуальных серверов, предоставление вычислительных мощностей и т. д.), – технически имеет доступ к в принципе неограниченному объёму данных¹³.

¹² Принадлежит компании Meta, запрещённой на территории РФ.

¹³ В 2020 году выручка Amazon Web Services составила 45,37 млрд долларов, а прибыль достигла 13,53 млрд долларов, и хотя на облачное подразделение Amazon пришлось лишь 12 % всей выручки компании, её доля в совокупной прибыли превысила 50 %.

Впрочем, как показывает опыт, даже не обладая таким объёмом данных, но эффективно используя набор инструментов (особенно если речь идёт об одном контекстом поле), можно добиваться поразительных экономических результатов. Например, 80 % стримингового времени на Netflix обеспечивается с помощью рекомендательной системы, а также приводит к улучшению пользовательского опыта (то есть увеличивает лояльность пользователей и способствует их удержанию), что, в свою очередь, позволяет экономить на привлечении новых клиентов (так, считается, что ещё в 2016 году компания сэкономила на этом порядка миллиарда долларов).

Рекомендательная система Netflix использует целую батарею алгоритмов: Personalised Video Ranking (PVR), создающий жанровые ряды, выбирая из всего каталога именно то, что идеально подойдёт для пользователя; Top-N Video Ranker – отвечает за подбор самых популярных фильмов, которые могут быть интересны именно вам; Trending Now Ranker – позволяет отслеживать ваше поведение по году и событийности (праздники, катастрофы и т. д.); Continue Watching Ranker – анализирует, что вы начали смотреть, но не закончили, и вычисляет вероятность того, что вы продолжите просмотр, используя контекстно-зависимые сигналы (например, время, прошедшее с момента просмотра, момент, на котором пользователь остановился, устройство, на котором пользователь смотрел контент, и т. д.); Video-Video Similarity Ranker – позволяет сличать то, что вы уже смотрели, с матрицей сходства между элементами, и т. д.

Кроме того, ряд подходов позволяют провести ранжирование результатов, полученных с помощью указанных алгоритмов: row-based подход использует уже существующие рекомендации и применяет к ним подход learning-to-rank – то есть ставит оценки и ранжирует по ним; stage-wise-подход – делает то же самое, но уже не для всех рядов одновременно, а последовательно друг за другом (если вы выбрали какую-то рубрику, например содержащую «ужасы», то это приводит к пересчёту всех остальных рядов с учётом вашего интереса); ML-подход – создаёт рейтинг с учётом того, какие страницы были сгенерированы для вас рекомендательной моделью в прошлом (учитывается то, что вы уже видели и как взаимодействовали с отображаемым контентом).

Разумеется, это только самая верхушка айсберга и пара платформ, хотя и очень успешных. Но представьте, какой массив данных хранится о вас на всех этих серверах. Кажется, что если вы не совершаете ничего предосудительного, то вам и нечего опасаться – мол, ну собирают данные для моей же пользы, и хорошо.

Но дело не в том, что кто-то из нас нужен этому монструозному «Большому брату», дело в том, что совершенствование этих алгоритмов и аватаров потенциально превращает вас в зависимых существ: вам будут показывать зрелища, от которых именно вы не сможете оторваться, вы не сможете выбрать что-либо самостоятельно, потому что просто потеряете этот навык.

«Мягкая сила, – как писал Джозеф С. Най – младший в книге „Будущее власти“, – это не форма идеализма или либерализма. Это просто форма власти, один из способов достижения желаемых результатов». Это слова одного из самых влиятельных политологов США, который руководил и Национальным советом по безопасности, и Советом национальной разведки, и был заместителем министра обороны США.

Впрочем, никто, включая Дж. С. Ная, судя по всему, и не думал, что незаметность «мягкой силы» – её самое страшное оружие. И оно может сдетонировать не только в случае СССР и стран Варшавского договора, но и в отношении всего мира. Социальные сети, поисковые

системы, платформы – все они выросли на генерации контента, который производили сами пользователи, на больших данных, которые они им предоставили, наконец, банально из-за удобства...

Вы можете себе представить, что такое же количество личного времени, сил и таланта люди бы отдали своему государству или своей стране? Как это повлияло бы на уровень благосостояния и качество их жизни? Как это изменило бы производственные индустрии? Пока же всё это уходит в пустой, минутный пшик, перерабатываясь в «новую нефть», как когда-то собственно нефть формировалась из останков растительного и животного мира.

Государство, которое не смогло адаптироваться к своему обществу, вечно запаздывающее, неспособное смотреть в будущее, постоянно готовящееся потому к прошлым войнам, разочаровывает. Граждане испытывают пренебрежение к его неповоротливости, формальности и непрозрачности. Интерфейсы интернет-гигантов, напротив, просты, понятны, доступны и даже дружелюбны. Кажется, что отдать им себя – это не так уж и страшно.

Мало кто осознаёт, что и эта «понятность», и эта «дружелюбность» – предельно иллюзорны. Бизнес мил ровно до тех пор, пока за ним блюдет строгий контролёр в виде государства. Стоит же государствам пасть, или если и когда они полностью перестанут понимать, что происходит в этом новом дивном мире по ту сторону экранов, бизнес перестанет церемониться – это не в его характере, не в его логике и уж точно не в его целеполагании.

В принципе ситуация, когда данные о гражданах той или иной страны, которые можно использовать для управления их поведением, хранятся на серверах, расположенных в других юрисдикциях, и подконтрольны лишь властям «виртуальных государств», не может не вызывать озабоченности у «физических» государств.

Но политики боятся признаться в своей полной зависимости от технологических гигантов. И хотя многие уже не могут отрицать очевидного, но проблема пока просто отодвигается, скрадывается, передаётся на откуп чиновникам низкого ранга. В конце концов, бизнес – это ведь основа политики, которая строится на показателях экономического роста, удовлетворённости граждан потребительскими товарами. Ну и этот же бизнес, конечно, оказывает поддержку конкретным кандидатам на выборах.

При этом электорат принимает свои решения уже не у урны с голосованием, а в Сети. Если ещё недавно американские медиаэксперты говорили, что президента США выбирают СМИ и голливудские звёзды, то, учитывая уровень доверия к СМИ, который резко снижается на фоне происходящих событий, о чём свидетельствуют данные Edelman Trust Barometer 2020¹⁴, («Барометр доверия Edelman 2020»), политики неизбежно будут прибегать к помощи тех же социальных сетей¹⁵.

Впрочем, положению блогеров не позавидуешь – чем дальше, тем больше они лишены возможности говорить хоть что-то, что может не устроить хотя бы какую-то часть их подписчиков, поскольку это чревато жёстким хейтом, а то и целыми кампаниями по дискредитации. Агрессивное, но активное в социальных сетях меньшинство обрело просто невиданную доселе власть, не будучи при этом ни организованным, ни подконтрольным.

Об этом хорошо пишет тот же Герт Ловинк: «Никто не может занять тупую позицию суверена и оставаться равнодушным по отношению к

¹⁴ Рейтинг «доверия» Edelman публикуется ежегодно. Согласно обзору за 2020 год, 57 % респондентов считают, что медиа, которые они регулярно читают и смотрят, состоят из непроверенной и недостоверной информации. На 6 % по сравнению с 2018 годом выросла доля тех, кто считает, что ложные новости используются «как оружие», и составила 76 %. 51 % аудитории считает, что медиа служат интересам небольшой группы людей, о коррумпированности средств массовой информации сказали 43 %, и только 38 % верят в честность журналистов. Если говорить о России, то она заняла последнее место по уровню доверия к медиа (27 %) из 28 стран, в которых проводилось исследование. Перед ней Великобритания с 39 %, ФРГ с 44 %, США с 45 %. Первое место занимает Китай с 77 % у населения в целом, и 90 % – у элит, которые замеряются в рейтинге отдельно.

¹⁵ Начиная с 2016 года «Википедия» стала публиковать специальную статью «Социальные медиа на президентских выборах в США», где указываются бюджеты кандидатов, а также чьей поддержкой в интернет-среде они смогли заручиться.

социальному. „Молчание масс“, о котором говорил Бодрийяр, само по себе кажется странной утопией. Социальные медиа были ловким ходом, который заставил людей трещать без умолку – нельзя забывать об аддиктивной стороне социальных медиа.

Нас всех перезапустили. Непристойность банальных мнений и повседневная проституция на подробностях нашей личной жизни сегодня надёжно встроены в софт и вовлекают миллиарды пользователей, которые не знают, как соскочить. Есть ли способ выйти из социального так, чтобы этого никто не заметил? [...]

В эпоху Facebook¹⁶ опросы постоянно фиксируют наши предпочтения даже без прямого участия пользователей с помощью тщательно спрограммированного дата-майнинга. Эти алгоритмические подсчёты постоянно происходят где-то на заднем плане и записывают всё: отдельные клики, ключевые слова и даже прикосновения к клавиатуре. [...]

Общество превратилось в базу данных пользователей. „Злому гению социального“ не остается никаких возможностей для самовыражения, кроме как вернуться на улицы и площади, где его отслеживает и направляет множество точек зрения, производимое нашими твитящими смартфонами и всё записывающими цифровыми камерами.

У „субъекта как пользователя“ вариантов ещё меньше: ты можешь вставить то, что кажется речью, в окошко для комментариев или оставаться луркером, случайным наблюдателем, тогда как человек с девиантным по каким-то причинам поведением называется троллем».

Блогеры пытаются улавливать настроения разнородных масс своей аудитории, чтобы удовлетворить чаяния всех и каждого. Но таких «позиций» в мире, который переживает тотальное расслоение и дробление по секторам, остаётся всё меньше и меньше. Так что лучшей тактикой становится молчание тех, кто, в принципе, является «лидерами мнений».

Как результат, в заложниках у активно-агрессивного меньшинства оказываются и политики, и блогеры, а бенефициар только один – технологические компании, от которых теперь зависят и те, и другие.

Впрочем, не все политики одинаковы. Есть ещё и те, что отвечают за деньги и понимают, какова их роль и функция в современном мире. И мы переходим ко второму «эффекту», который создаёт реальность «цифровой волны», – к криптовалютам.

¹⁶ Принадлежит компании Meta, запрещённой на территории РФ.

Глава вторая. Криптовалюты

*Сегодня-завтра-послезавтра мы выравниваем ситуацию по валюте.
Но вы на меня не обижайтесь...
Александр Лукашенко*

Новые «виртуальные государства», раздающие направо и налево свои «паспорта» и ID, не считают нужным останавливаться на достигнутом. Они активно не только экспроприируют у государства его граждан, но и проникают в плоть и кровь финансовых систем. Каждый уже сталкивался с технологиями ApplePay, GooglePay или SberPay, которые позволяют оплачивать покупки через одноимённого посредника, но это только вершина айсберга.

Самое модное слово в инвестировании – «финтех»¹⁷. В первом полугодии 2021 года финтехкомпании показали и вовсе рекордный рост. Например, на одном только европейском рынке появилось как минимум девять таких «единорогов» (технологические стартапы, получившие рыночную оценку в миллиард долларов). Каждый доллар из пяти в этом периоде инвестировался в финтехкомпанию.

Вполне очевидно, что этот рынок сильно перегрет. Начиная с мирового финансового кризиса 2008 года мы вошли в фазу сверхмягкой денежной политики. В результате сформировались большие объёмы свободной ликвидности, которую невыгодно вкладывать в облигации, дающие мизерную доходность, что толкнуло рынок к поиску «новых решений» для инвестиций в самых разных отраслях, а финтехстартапы стали лишь одной из таких ниш.

Реальная драма разворачивается сейчас на другом поле. В какой-то момент лидеры IT-индустрии перестали скрывать свои амбиции стать новыми квазигосударствами. Но кроме «паспортов» необходимы и деньги, а потому ряд игроков объявил о том, что они готовы создать, по сути, собственные Центробанки. И тут реакция регуляторов США не заставила себя ждать и со всей мощью обрушилась на головы Марка Цукерберга и Павла Дурова, которые анонсировали к этому моменту собственные валюты – Libra и Gram. Оба проекта пришлось, как известно, спешно свернуть, причём с огромными убытками.

То, что какие-то криптовалюты существуют в полуподпольном виде на полузаконных основаниях, – это одно дело. В конце концов, там всё настолько непрозрачно, что в крайнем случае всегда можно «хлопнуть» и одним движением «прикрыть эту лавочку» (в этом даже есть практический смысл, ведь такой шаг срежет гигантскую и инфляционную, по сути, денежную массу, которая сейчас без особых затрат сил этими финансовыми играми адсорбируется).

Но другое дело, когда своя валюта появляется у таких мощных игроков с такой огромной инфраструктурой и колоссальным влиянием, как Facebook¹⁸ и Telegram.

Битва при Конгрессе

Замах Марка Цукерберга, не скрывавшего в своё время и своих будущих президентских амбиций, поражаёл воображение. Потренировавшись на Facebook Coin (также платёжной системе на базе криптовалюты), он инициировал проект Libra, к которому, кроме Facebook, присоединились ещё 27 компаний. В их числе Visa, MasterCard, Stripe, Vodafone, eBay, PayPal, Uber,

¹⁷ Финансовые технологии, или финтех, – технологические компании, конкурирующие с традиционными финансовыми организациями (банками и их посредниками) на рынке финансовых услуг.

¹⁸ Принадлежит компании Meta, запрещённой на территории РФ.

Spotify, Booking.com, Mercado Libre, Andreessen Horowitz и другие мощные и специализированные игроки финансового рынка.

И хотя сам по себе этот список звучит устрашающе, он был лишь одной изюминкой из торта будущей Libra. Вторая революционная идея – привязка курса Libra к валютной корзине из доллара, евро, иены и фунта стерлингов (выпуском валюты и обеспечением этого функционала должен был заниматься специальный фонд Libra Networks в Женеве).

Ещё запуская Facebook Coin на тестовой площадке в Индии (на миллион человек), Цукерберг использовал средства своей компании для финансового обеспечения своей новой валюты. Проще говоря, эти деньги были чем-то вроде золотовалютных резервов, подкрепляющих стоимость национальных денег. Теперь же в этот общий «Центробанк» могли скинуться и остальные участники концессии.

Наконец, третья идея этого, с позволения сказать, стартапа: возможность купить Libra за любую валюту и использовать её для расчётов как в интернете, как в офлайне. Предполагалось, что это сможет принести продавцам сниженные комиссии за транзакции, а пользователи получали бы супер-удобный интерфейс.

Суть его заключалась в объединении на единой транзакционной платформе с безопасным протоколом шифрования трёх мессенджеров, принадлежавших Цукербергу: WhatsApp (1,5 миллиарда пользователей), Messenger (1,3 миллиарда) и Instagram¹⁹ (1 миллиард). Проще говоря, предполагалось, что Libra станет основным средством расчёта для примерно двух миллиардов человек, причём, очевидно, не самых бедных.

Официальная презентация проекта Libra состоялась 18 июня 2019 года, а уже 23 октября основатель и гендиректор Facebook* Марк Цукерберг был вызван на ковёр и шесть часов давал показания в Палате представителей Конгресса США.

Тема слушаний была заявлена, как и следовало, – Libra. Но вот держать удар Марку пришлось по всем фронтам: конгрессмены атаковали его по поводу скандалов, связанных со сбором данных, по поводу проблем с конфиденциальностью, а председатель Комитета по финансовым услугам Максин Уотерс и вовсе потребовала разделить активы Facebook (отделить от него WhatsApp и Instagram²⁰), чтобы ни одна из социальных сетей не имела на рынке исключительного положения.

В общем, конгрессмены собрались, чтобы дружно продемонстрировать Libre «красную карточку», а что станет поводом – было уже и не так важно. Всю драму происходящего коротко и ясно выразил член палаты представителей Брэд Шерман: «Вы собираетесь воспользоваться всей мощью Facebook, чтобы попытаться создать новую валюту. Вы называете её Libra, но так как за ней стоите вы [Цукерберг] – я называю её Zuck Buck („Доллар Цукерберга“»).

Впрочем, нужно отдать должное Цукербергу – он бился как гладиатор на арене Колизея, акции Facebook даже выросли на 2 % за время этих слушаний, а Bitcoin и другие криптовалюты падали, так сказать, с металлическим звоном.

Цукерберг рассказывал, увещевая демократов, как Libra поможет бедным слоям населения, предоставив им систему для хранения и перевода

¹⁹ Facebook, Instagram – принадлежат компании Meta, запрещённой на территории РФ.

²⁰ Facebook, Instagram – принадлежат компании Meta, запрещённой на территории РФ.

денег с низкими комиссиями. Доказывал, что управлять проектом будет не Facebook, а независимая некоммерческая «Ассоциация Libra».

Агитировал он и республиканцев, рассказывая, как Libra поможет США накладывать санкции на другие страны: «Мы должны взвесить риск запуска Libra с тем риском, если финансовая система Китая станет стандартом во многих странах, – объяснял он. – Тогда для нас будет очень трудно, если не невозможно, накладывать санкции или другие виды защиты в странах, за которыми мы надзираем».

Он успокаивал ретроградов: «Несмотря на то что ассоциация Libra является независимой и мы не контролируем её, я хочу прояснить ситуацию. Facebook²¹ никак не будет участвовать в запуске платёжной системы Libra, до тех пор пока регуляторы США её не одобряют». И взывал к прогрессистам: «Если мы хотим оставаться мировым лидером в области финансовых технологий, жизненно важно, чтобы мы не принимали реакционных законов против криптовалют».

Но всё тщетно. Лидеры рынка, вступившие изначально в «Клуб двадцати восьми», бежали из «Ассоциации Libra» сверкая пятками. Чтобы... воссоединиться под тем же знаменем, но с другим названием. За два года оно менялось несколько раз – сначала Calibra, потом Novi, затем – финальный вариант – Diem. Кроме ребрендинга было ещё только одно изменение: рассматривалась возможность ограничиться только одной «резервной валютой» – долларом.

Но на сей раз к регуляторам США присоединились уже и регуляторы из ЕС, не считая других стран, которые высказались, что желание компании Meta²² запустить свой проект угрожает финансовому суверенитету, конфиденциальности и антимонопольному законодательству. В целом реакция политических элит универсальна – разрешение любой «валюты» компании Meta приведёт к тому, что мир получит самый большой, не подконтрольный никому Центробанк.

В январе 2022 года проект был снова официально закрыт и даже продан, но понятно, что это очередная игра. По крайней мере, ничто не остановило Стефана Касриэля, главу цифрового кошелька Meta, написать в Twitter²³: «Компания продолжит реализовывать наши планы в области финансовых технологий для создания экономических возможностей и обеспечения большей финансовой доступности сегодня, и мы смотрим в будущее метавселенной».

По данным издания Politico, финансовый регулятор США готовит большой доклад, где будет изложена следующая позиция: «Сочетание эмитента стабильной монеты или поставщика кошелька и коммерческой фирмы может привести к чрезмерной концентрации экономической власти. [...] Эта комбинация может оказать пагубное влияние на конкуренцию и привести к концентрации рынка в секторах реальной экономики».

Формат валюты Gram, задуманной Павлом Дуровым, сильно отличался от того, что предлагал Марк Цукерберг. Не изменяя самому себе, основатель Telegram пытался сделать полно-

²¹ Принадлежит компании Meta, запрещенной на территории РФ.

²² Запрещена на территории РФ.

²³ Доступ ограничен на территории РФ.

стью централизованную и подконтрольную ему криптовалюту, но предельно либертарианскую, так сказать, для пользователей.

Павел Дуров сразу отказался от концепции майнинга, создал блокчейн-платформу TON, которая отличалась от более ранних версий высокой скоростью транзакций, что позволяло бы ей работать при обычных кассовых расчётах наравне с Visa и MasterCard.

Он сразу «напечатал» 5 млрд единиц своей криптовалюты и разделил их пополам между инвесторами, которые внесли в рамках первичного предложения токенов (ICO) 1,7 млрд долларов, и фондом TON Reserve, который был призван стабилизировать курс Gram относительно доллара²⁴.

Запуск планировался на тот же злосчастный октябрь 2019 года, но за несколько недель до предполагаемого запуска выяснилось, что Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) признала токены Gram ценными бумагами и на этом основании добилась судебного запрета на их продажу.

На февраль 2020 года было запланировано повторное заседание суда, чтобы оспорить его решение. В январе 2020 года SEC допросила Павла Дурова в Дубае, а уже 25 марта 2020 года суд Южного округа Нью-Йорка окончательно запретил выпуск криптовалюты Gram. Проект был закрыт.

Надо сказать, что разрешение на выпуск Gram, а тем более Libra, стало бы очень опасным прецедентом, ведь не меньшую, а то, возможно, и большую угрозу для монетарной политики США несёт, например, Amazon, который и так уже из-под полы играет с Amazon Coins²⁵.

Не секрет, что Amazon обладает самым мощным «облаком» (Amazon Web Services – AWS), которым пользуются сторонние компании для хранения своих данных, на чём Amazon зарабатывает миллиарды долларов ежегодно. Уже сейчас AWS является одним из центральных инфраструктурных объектов огромной финансовой пирамиды криптовалют, пропуская через себя, например, 25 % всех рабочих нагрузок Ethereum²⁶ в мире.

Вполне очевидно, что таким образом компания Джозефа Безоса отрабатывает технологии и готовится к выходу со своим полноценным «денежным продуктом» на рынок. Если же подумать о всём том объёме сервисов, которые может предоставить и физическим, и юридическим лицам экосистема Amazon, то не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы не заметить, что в государстве эта «экосистема» уже нуждаться не будет.

Впрочем, посмотрев на мытарства Цукерберга, Безос собирается пойти другим путём. По скудной информации, которая просачивается за стены этого интернет-гиганта, Amazon разрабатывает специальный «денежный» проект, который первоначально будет запущен в Мексике. «Этот продукт позволит клиентам конвертировать свои деньги в цифровую валюту... иметь возможность пользоваться онлайн-услугами, включая покупку товаров и/или услуг, таких как Prime Video», – говорится в одном из сообщений.

Конечно, широкую публику такие вопросы не слишком волнуют, но можно, мне кажется, представить, как воспринимают происходящее правящие круги государств, находящиеся между молотом и наковальней общественного недовольства и агрессивной политики технологических гигантов, решивших взять управление миром в свои руки.

²⁴ Предполагалось, что TON Reserve будет автоматически скупать Gram при падении его цены, а также обеспечивает выпуск новых Gram по цене не менее чем на 2 % выше, чем годом ранее.

²⁵ Amazon Coins – виртуальная валюта, которую можно использовать только для покупки программного обеспечения и микротранзакций в приложениях, загруженных из магазина приложений Amazon на устройствах Kindle, Kindle Fire и Android.

²⁶ Ethereum – криптовалюта (вторая по значимости после Bitcoin) и специализированная платформа для создания децентрализованных онлайн-сервисов, использующих технологии блокчейна и умных контрактов.

И Китай пока, судя по всему, единственная держава, которая смогла противостоять аннексии своих граждан и полностью стерилизовала свою финансовую систему, запретив криптовалюты как класс²⁷, но, как это обычно бывает, по китайской модели.

Больше, чем Великий файрвол

Первой страной, которая посчитала интернет критической угрозой для своей национальной безопасности, стал Китай. Начиная с 1996 года Китай занял активную позицию по регулированию интернет-активности в стране, и уже с 1998 года началось создание «Золотого щита» под контролем министерства общественной безопасности. Это тот самый знаменитый «Великий китайский файрвол» – комплексная система безопасности, занимавшаяся изначально лишь фильтрацией контента.

Впрочем, «Золотой щит» – лишь начало большого пути, об окончании которого именно теперь можно говорить с полной уверенностью. Знаковое событие произошло в 2018 году, хотя это казалось абсолютно немыслимым: китайский оператор дата-центров Tianyi (подразделение государственного оператора China Telecom) подписал соглашение на хранение данных китайских пользователей сервиса Apple iCloud. Вся информация, включая ключи шифрования пользователей, теперь хранится на государственных серверах Китайской Народной Республики.

Apple, судя по всему, – последняя крупная компания в списке «приземлившихся» на китайских серверах. К моменту, когда «сломалась» Apple, это сделали уже все основные технологические гиганты, ведущие свой бизнес в Китае. Примечательность этого договора с Apple заключается в том, что прежде компания всегда декларировала, что не собирает данные о своих пользователях и не может вскрыть их аккаунты, потому что «ключи шифрования хранятся исключительно на устройстве»²⁸. Это и тогда было, надо полагать, не всей правдой, ну а случившееся в 2018 году – и вовсе новая веха в «политике открытости» технологических компаний и пользователей.

Правительство Китая применяет ту же самую практику «экспроприации данных» в отношении не только западных провайдеров, но и собственных хайтек-гигантов. Все они предоставляют правительству цифровые следы, которые гражданин КНР оставляет в интернете. То есть Китай волевым решением лишил всех цифровых игроков каких-либо прав на своих гражданах. Можно сказать, отбил их обратно после попытки завоевания.

Не менее решительно поступил Китай и с криптовалютами. Глядя на нервные потуги западных стран обуздать Meta, Китай решил и вовсе не играть с огнём. До мая 2021 года половина всего мирового майнинга биткойна была сосредоточена в Поднебесной, но сначала криптовалюту начали постепенно запрещать, её перестали использовать банки и платёжные системы.

24 сентября 2021 года Народный банк Китая признал незаконной всю деятельность, связанную с криптовалютой (добычу, покупку, продажу, хранение и реализацию). Ещё через четыре дня были заблокированы и сайты отслеживания курсов криптовалют. После этого Alibaba объявила о полном запрете на своих площадках продажи любых устройств для май-

²⁷ Так называемые «законы о приземлении» можно принимать и в других странах, как, например, это делается в России, но, судя по всему, только Китай, учитывая его уровень технологического развития, может не только добиться релокации данных, но технически обеспечить их использование в собственных целях.

²⁸ На решение Apple повлияло не столько значение китайского рынка для компании (что само по себе, конечно, очень важно), сколько то, что абсолютно всё производство Apple расположено на территории Китая. Это была целенаправленная политика компании, маркетинговый и экономический смысл которой прекрасно объясняет Брайн Мерчант в своей книге «Универсальное устройство. Неизвестная история создания iPhone». Когда Барак Обама только вступил на пост президента США, он провёл встречу с лидерами американского IT-рынка, желая уговорить руководителей интернет-гигантов начать перевод хотя бы части их производства обратно в США, на что Стив Джобс ответил: «Не существует никаких возможностей для этого».

нинга. А уже в октябре Китай включил майнинг в список отраслей, запрещённых для инвестиций.

Но, конечно, Китай не был бы Китаем, если бы он не создавал параллельную, но государственную систему. Начиная с 2020 года в Поднебесной началось тестирование собственной цифровой валюты – «цифрового юаня», для использования которой не потребуется ни счёт в банке, ни даже интернет.

Официальная позиция правительства такова: цифровой юань сделает платежи более доступными, а экономика не будет зависеть от доллара и санкций. Впрочем, за «официальной позицией» китайского руководства эксперты всегда подозревают второе дно. Да и вряд ли они ошибаются – конечно, и этот инструмент ляжет в общую структуру контроля Китайского государства за населением под мудрым руководством товарища Си.

Да, правда в том, что тягаться с IT-гигантами может только Китай, который уже сам собой представляет одну большую технологическую компанию, и экосистему, и систему производства желаний и чаяний своих граждан. Мне кажется, очевидно, что все эти действия – это составляющие одной большой стратегии по защите своего населения от влияния «цифровой десубъективизации».

Китай собирает большие данные о своих гражданах, как известно, не просто так, да и камерами обвешана вся страна тоже не случайно: система неустанно и последовательно работает над созданием так называемого «социального рейтинга» или «кредита» – способа отслеживания и ранжирования своих граждан.

Внедрение этой системы – не заговор, оно идёт достаточно открыто. Впервые о работе над ней было объявлено в 2014 году, после чего начались многочисленные пилотные проекты в разных регионах страны.

«Ускорение построения системы социального кредита, – значилось в „Уведомлении Государственного совета о выпуске схемы планирования строительства системы социального кредита (2014–2020 гг.)“, – является важной основой для комплексной реализации концепции научного развития и построения гармоничного социалистического общества, важным методом совершенствования системы социалистической рыночной экономики, ускорения и обновления социального управления, а также имеет важное значение для укрепления сознания искренности членов общества, создания благоприятной кредитной среды, повышения общей конкурентоспособности страны и стимулирования развития общества и прогресса цивилизации».

Точная методология определения социального кредита неизвестна. Понятно, что он может и повышаться, и понижаться, в зависимости от того, как человек себя ведёт. Анализируя случаи «наказания» и «поощрения», о которых становилось известно прессе, западные СМИ, тревожно следящие за всем, что происходит в Поднебесной, считают, что понижение кредита может произойти при нарушении правил дорожного движения, курении в запрещённых местах, использовании ненормативной лексики, покупке слишком большого количества видеоигр, «неправильных» постах в социальных сетях, хищениях, мошенничестве, распространении лживых новостей.

В качестве наказания используются самые разные меры. В 2016 году девять миллионов китайцев были лишены права покупать билеты на самолёты, а ещё три миллиона – покупать билеты бизнес-класса на поезда. В принципе, всё, что связано с удобством, комфортом и развлечением, находится, так сказать, под ударом – ограничение доступа в рестораны, ночные клубы или поля для гольфа, невозможность забронировать номера в гостиницах высокого

класса, отмена права свободно выезжать за границу и т. д. В ряде случаев применяется снижение скорости интернета.

В 2017 году семнадцать молодых людей, отказавшихся от службы в армии, были лишены права получить высшее образование, обучаться в старших классах или продолжать своё обучение. Также им были запрещены выезд за границу и покупка недвижимости. Судя по всему, и устроиться на какие-то руководящие должности им тоже будет нельзя – такое ограничение тоже существует, причём касается не только государственных учреждений, но и банков, других частных компаний.

Впрочем, кроме наказаний, для обладателей высокого рейтинга действует система поощрений. Например, китайский сайт знакомств Baihe отдаёт предпочтение учётным записям хороших граждан: можно получить скидку по счетам за электроэнергию, бронировать отели без предоплаты, брать вещи в аренду без залога и получить пониженный процент по кредиту в банке.

Впрочем, как я уже сказал, это данные о многочисленных пилотных проектах, проводившихся в разных провинциях. Если же говорить, с чего всё началось, то самые первые подходы к этому снаряду были сделаны на Тибете и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, где проживают уйгуры, этнические казахи и представители других мусульманских меньшинств.

Установка камер слежения за тибетцами началась ещё в нулевых, что позволило свести на нет уже к Пекинской олимпиаде 2008 года достаточно частые до той поры народные восстания «подданных» далай-ламы. После этот опыт был с тем же успехом перенесён на непокорных уйгуров и другие мусульманские общины, а затем уже начал применяться в более спокойных регионах.

В отчёте Центральной тибетской администрации за 2008 год значится: «Проект Skynet – это система наблюдения для контроля над тибетцами и храмами по всем районам». В опубликованном в 2019 году докладе Госдепа США о ситуации с правами человека указывается, что в уйгурском Синьцзяне видеокamеры установлены на улицах, в магазинах и мечетях; программное обеспечение позволяет распознавать граждан по лицу, голосу и походке; ведётся тотальный контроль телефонных звонков, текстовых сообщений, электронной почты, социальных сетей и других цифровых коммуникаций; проводятся регулярные медосмотры для сбора образцов ДНК, сканирования сетчатки глаза и снятия отпечатков пальцев.

Понятно, что подобная политика Китая не может не шокировать Запад, а он именно так и реагирует на внедрение системы социального рейтинга – шок, ужас и тотальное недоверие.

Интересно, что на Западе совершенно не осознают собственных тоталитарных практик, разрастающихся всё сильнее и сильнее. Например, «демократический» запрос на преодоление всяческой сегрегации в обществе породил «парад привилегий», групповое упражнение, участники которого должны прочувствовать эффекты «социального неравенства».

Сначала все встают в одну линию, затем ведущий называет категории, и каждый из участников должен сделать шаг вперёд, если это «привилегия», которой он пользуется, и шаг назад, если у него таковой нет. Шаг вперёд полагается за белый цвет кожи, за мужской пол, за гетеросексуальность, за цисгендерность, за происхождение из состоятельной семьи, за высшее образование и т. д.

После выполнения задания тем, кто оказался впереди, следует осознать, сколь много они «должны» тем, оказался сзади.

При этом нельзя сказать, чтобы власти Китая действовали абсолютно слепо и бездумно, реализуя программу социального кредита. Её системное применение по всему Китаю было

запланировано на 2020 год, однако, судя по всему, тестирования ещё продолжаются, а китайское правительство открыто сообщает об имеющихся трудностях.

В ноябре 2020 года оно сформулировало шесть проблем, которые ещё предстоит решить. Первая – необходимо чётко определить, какое действие (или бездействие) должно оцениваться системой. Вторая – решение вопроса с раскрытием приватной информации²⁹. Третья проблема – создание системы оценки серьёзности проступка и степени его влияния на социальный рейтинг. Четвёртый пункт – согласование системы с Конституцией, Уголовным и Гражданским кодексами. Пятый вопрос – механизм восстановления рейтинга, если человек встал на путь исправления или был причислен к «неблагонадёжным» по ошибке. И шестая проблема – обеспечение стандартов информационной безопасности (как уберечь личные данные от утечек, торговли ими и мошеннических схем).

Да, сам подход совершенно не соответствует представлениям «западной демократии», но я не удивлюсь, если окажется, что меры, предпринимаемые правительством Китая, обусловлены анализом проблем, с которыми столкнулся тот самый Запад. Не исключено, что компетентные, так скажем, органы Поднебесной в свою очередь проанализировали ситуацию с «правами человека» в странах «развитой демократии» и поняли, что делать можно, что нельзя, а что нужно делать, причём немедленно...

Дело в том, что третьим «эффектом» цифровой волны является загадочная «новая власть».

²⁹ Например, рамках одного из пилотных проектов было создано мобильное приложение, которое позволяло увидеть местоположение «неблагонадёжных» людей, что вызвало недовольство пользователей, после чего приложение было удалено.

Глава третья. Ризоматичность «новой власти»

Через пять лет на Украине может случиться всё что угодно, к власти могут прийти фломастеры.

Иван Ургант

В контексте информации и потребления контента цифровая эпоха характеризуется, с одной стороны, потрясающей консолидацией знаний и почти беспрепятственным доступом к ним, но, с другой стороны, информационное поле цифрового мира сильно фрагментировано, тотально анонимизировано, существует в виде своего рода туннелей или колодцев, порождённых персонализациями.

Наконец, третий важный фактор – сложившаяся практика потребления контента в цифровую эпоху работает и «на вход», и «на выход» за счёт, по сути, подсознательных психических механизмов, управляющих поведением пользователя. То есть ни потребление информации, ни реакции на неё не являются осмысленным действием человека. В каком-то смысле он потребляет информацию и реагирует на неё в обход своей воли, будучи спровоцированным и направленным. Мы не преувеличим, если скажем, что пользователь используется социальными медиа как машина, обеспечивающая потребление и генерацию контента³⁰.

Думаю, что, рассматривая феномен Сети, нет смысла подробно говорить о том, насколько ценен и значим интернет сам по себе. Сеть является самым эффективным в истории человечества инструментом обмена знаниями, актуальной информацией, а также провайдером коммуникаций.

Ещё двадцать лет назад невозможно было представить, что ты сможешь получить всю необходимую информацию по интересующему тебя вопросу, не выходя из дома (скажем, в библиотеку) и, что очень существенно, без специальной помощи со стороны специалиста по данной теме.

Доступность даже узкоспециальных знаний стала принципиальным, фундаментальным изменением, преобразившим научную сферу. В значительной степени именно этот фактор определяет ту скорость, с которой сейчас галопирует научно-технический прогресс.

Рей Курцвейл, один из самых блистательных технофутурологов XX века, в 2005 году в своей знаменитой книге «Сингулярность рядом: когда люди превзойдут биологию» предсказывал наступление технологической сингулярности³¹ к 2045 году. Однако в лекции, на которой мне довелось присутствовать в 2021 году, Курцвейл сдвинул прогноз уже к 2035–2037 году. «А может быть, и раньше», – добавил он.

Итак, невозможно переоценить значение Сети как инструмента хранения, дистрибуции и продуцирования знания. Но на этом хорошие новости, будем честны, заканчиваются. Ключевыми проблемами Сети, как я уже сказал, являются дефрагментация, анонимизация и формирование специфических информационных колодцев («фильтр пузырей»).

«Эффект дефрагментации» обусловлен тем, что в Сети нет никакой системы структурирования, ранжирования, действительной систематизации знаний. Она не обладает даже действенными механизмами верификации знаний – определения их достоверности, а также достаточности в вопросе информирования.

³⁰ Понимание природы данного феномена потребует достаточно большого нейрофизиологического введения, поскольку же я достаточно часто рассказываю об этом в своих лекциях и книгах, в этом тексте я не буду злоупотреблять вашим вниманием и отклоняться от основной темы.

³¹ «Технологическая сингулярность» – предполагаемый момент в будущем, когда технологическое развитие, осуществляемое с помощью искусственного интеллекта, достигшего стадии циклов самоусовершенствования, становится неуправляемым и необратимым, что порождает радикальные изменения характера человеческой цивилизации.

Это в полной мере, если использовать термин французских философов Жюлья Делёза и Феликса Гваттари, ризоматическая структура (ризома)³²: «Любое место ризомы, – пишут авторы в „Тысяче плато“, – может и должно быть присоединено к любому другому её месту. Это очень отличается от дерева или корня, которые фиксируют место, порядок. [...] Нет больше никакого отнесения к Единому, как к субъекту и объекту, как к природной или духовной реальности, к образу и миру. Множества ризоматичны и изобличают древовидные псевдомножества. Не существует ни единства, которое бы служило стержнем в объекте, ни такого, которое бы разделялось в субъекте. [...]

Ризома может быть сломана, разбита в каком-либо месте, она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям. [...] Группы людей и отдельные индивиды содержат в себе микрофашизмы, которые не требуют ничего, кроме кристаллизации. Да, пырей тоже ризома. Хорошее и плохое не могут быть чем-то, кроме как результатами активного выбора [селекции], вновь и вновь совершающегося во времени. [...] Ризома не является ответственной ни за какую структуральную или генеративную модель. Она чужда всякой идее генетической оси в качестве глубинной структуры. [...]

Централизованным системам авторы противопоставляют нецентрализованные системы, сети конечных автоматов, где коммуникация осуществляется от одного соседа к другому, где стебли и каналы не пред-существуют [друг другу], где все индивиды взаимозаменяемы и определяются только по состоянию на определённый момент, таким образом, что локальные операции координируются и глобальный конечный результат синхронизируется независимо от центральной инстанции».

Из-за отсутствия общей структуры мы не понимаем истинного значения большинства понятий, относящихся к разделам знаний, в которых мы не сведущи. Того объема фактов, смыслов и систем отношений, которые скрываются за этими понятиями.

Да, нам может казаться, что «всё понятно», но в действительности получение информации из Сети напоминает историю из знаменитой книги Джерома К. Джерома, где герой рассказывает о своём визите в библиотеку Британского музея и какое влияние на него оказал медицинский справочник. Герой обнаружил у себя все болезни разом, за исключением разве что родильной горячки.

То, что информационное пространство Сети не предоставляет механизма ориентации в знании, что не так-то легко заметить (есть же «Википедия», в конце концов), лишь усиливает эти эффекты. Вроде бы разобраться, что к чему, имея такой неохватный объем информации, не так и сложно – набираешь в поисковой строке запрос и смотришь результат.

Проблема в том, что мы не знаем того, чего мы не знаем, а потому и не можем загуглить это неизвестное. Следовательно это никак не мешает нам иметь стойкое убеждение, что мы разобрались во всём «досконально».

Да, для решения простых, утилитарных вопросов подобное программное решение вполне подходит, потому что оно изготавливается коммерческими компаниями специально

³² Ризома, или ризоматическая структура, – это нелинейная сеть, которая «соединяет любую точку с любой другой точкой», это сеть множеств, которые не являются древовидными, но напоминают по строению грибницу. Концепт был впервые сформулирован в работе Ж. Делёза и Ф. Гваттари в книге «Тысяча плато» для обозначения сетей, которые устанавливают «связи между семиотическими цепочками, организациями власти и обстоятельствами, относящимися к искусствам, наукам и социальной борьбе» без видимого порядка или последовательности.

для продажи нам своих услуг – вы можете узнать из Сети, где дешевле купить тот или иной продукт, как куда-то добраться, каков график работы музея или жилищной конторы и т. д.³³

³³ Опустим здесь вопрос, что эта информация может оказаться неправдивой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.